

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Август 1991 года

Летние каникулы предательски подходили к концу. Я вернулся из деревни от бабушки и деда в наш маленький южный город. В середине августа днем стояла жара, но вечерами уже потягивало свежестью, прибавлявшей волнения. Прохлада шептала о начале чего-то нового. В самом августовском воздухе витала мысль: так как раньше — уже не будет. Недаром когда-то на Руси первого сентября отмечали новогодние праздники. Ну а мы теперь празднуем начало школьных будней. Хотя... не уверен, что они убедительный повод для радости. Тем более что начинался учебный год для меня совсем необычно.

— Эй, Димка! — услышал я голос машущей мне руками пионервожатой Ларисы. Она жила в четвертом подъезде нашей пятиэтажки. — Зайди завтра в школу. Надо поговорить.

У Ларисы было доброе сердце, а это так нечасто бывает. Она мне нравилась. Сейчас все больше людей и не добрых, и не злых. Никаких. Потому что доброта и злоба требуют времени, а большинству людей некогда и по́ фигу на все и на всех. И еще мне кажется, что добрым человеком быть сложнее, а злым проще. Наорать или грубость брякнуть — много ума не надо. А вот доброе дело сделать — не каждый умеет. Это же еще придумать или почувствовать надо.

Лариса часто наш пионерский актив на школьных переменах угощала домашними пирожками с яблоками и пила чай. Хотя ничего подобного делать ее никто не принуждал. Она любила возиться с нами. Разговаривала, помогала, весело смеялась, но в ее глазах часто читалась какая-то таинственная грусть. Это очень русская черта — радоваться, но не до потери пульса и сознания, не забывая во время веселья что-то глубокое и загадочное. Этим же еще больше подкупала и Лариса.

В школу я пришел утром следующего дня. В пустых коридорах чувствовалось приближение учебного года и пахло краской. За лето деревянные полы приобрели новый оттенок — цвет запекшейся крови, словно намекавший нам — оценки даром раздавать не планируют, а спрашивать на уроках будут с таким же напором, с каким фашистские оккупанты выбивали секретные сведения у наших партизан во время войны. Короче, муки ждут и нас, учеников, и учителей.

Кабинет вожатой привлекал уютом, но что-то здесь изменилось. Не знаю почему, вроде бы все как обыч-

но: на стене висели многочисленные грамоты и благодарности, треугольный вымпел на подвязке «Пионерам Дона от пионеров Ставрополя». В углу на столе развернута будущая стенгазета, традиционно появляющаяся к Первому сентября. Широкими мазками гуаши контуром прорисовано: «Школьный прожектор». Я заметил, что прежнее название сократилось и третье слово — «перестройки» — исчезло. Видимо, все запланированное перестроить уже перестроили.

В центре стены на булавках распяли знамя пионерской организации. Перед ним на деревянной подставке — большой куст в глиняном горшке. Голова Ленина на знамени, заключенная в пятиконечную, пылающую огнем звезду, выглядывала из-за пушистых куц аспарагуса. Справа читалось: «ГОТОВ!» И я задумался о том, к чему может быть готов Ильич¹ в кустах, но от этих мыслей меня отвлекла хозяйка кабинета.

Кипел блестящий приплюснутый электрочайник, похожий на луноход. Лариса, не спрашивая меня ни о чем, разлила ароматную заварку в низкие кружки с продолговатыми красными плодами на боку и надписью «60 лет СССР», добавила кипятка и пододвинула тарелку с печеньем.

— Краснодарский, — многозначительно произнесла она, — с ароматом лимона.

Я промычал в ответ. В чае с лимоном самое лучшее ведь не запах, а долька с остатками неразмешанного сахара. Ее можно засунуть в рот и съесть

¹ И л ь и ч — отчество Владимира Ильича Ленина, первого главы Советского государства.

вместо десерта. Но сахара теперь в магазинах днем с огнем не сыскать, а лимоны продаются только на рынке у торгашей. Дефицит. Поэтому вместо настоящей цитрусовой дольки в чай предлагают только химический запах. Время, видать, такое — обманное. Наша бабушка так часто говорила.

— Димка, тут такое дело... — начала Лариса. — В пионерской дружине школы будут изменения. Юрий Никифоров оказался недостойн возглавлять нашу организацию.

Лариса грустно на меня посмотрела. Ее сообщение в моей голове вызвало полное непонимание: «Как это? Юрка? Кефир? Недостойн?» Он хорошо учился, активный был такой. Правда, мы с ним не очень дружили, но все же. Его отец, Геннадий Васильевич, у нас в школе раньше работал учителем истории. Жили они неподалеку в двухэтажках. Мама Юрки, круглобокая тетя Тоня, перед окнами их небольшой квартиры сажала цветы в палисаднике, поливала и из-за занавески сжигала взглядом всех, кто, проходя мимо, пытался сорвать головку ромашки или бархатцев. В крайних случаях цветочного вандализма слышался звук открывающегося окна. Обычно этого хватало, чтобы от уничтожителей красоты не оставалось и следа. Нагоняй получали даже девчонки, обрывавшие цветы с благородной целью — лепестки наклеивать на ногти вместо маникюра.

Мне кажется, эта клумба принесла тете Тоне немало разочарований и горести. Из-за несчастных растений мать Юрки была постоянно на стрёме, вскакивала с дивана и подбегала к окну, чтобы испепелить.